

Ю. И. ЮДИН

ПОСЛЕДНЯЯ КНИГА В. Я. ПРОППА
***(РУССКАЯ СКАЗКА. Л., 1984)*¹**

Работы В. Я. Проппа никого не оставляли и не оставляют равнодушными с момента их появления и до сегодняшнего дня. Своеобразие и неповторимость исследований ученого не только в обращении к глубоким истокам и слоям современной культуры, в определенно выраженном оригинальном и точно выверенном методе, но и в предельно ясно проявляющейся незаурядной личности самого ученого, в разнообразном спектре эмоциональных и аналитических оценок, выводов и наблюдений.

Данная книга представляет собою переработанный для печати спецкурс, который читался для студентов и преподавателей филологического факультета Ленинградского университета. Цель этого курса прежде всего педагогическая. С первых же страниц книги заметно горячее желание автора заразить слушателя любовью к народной сказке, заставить понять, как мало мы о ней знаем. Поэтому то тут, то там мы сталкиваемся с вопросами, не имеющими решения, с загадками, к которым наука пока не умеет подступиться. Видно, как автор настойчиво пытается вызвать своих слушателей на размышления, заронить в них зерно сомнения и раздумья, которому, возможно, суждено прорасти. Почему у большинства народов нет специального слова для обозначения сказки, как у русских и немцев? (с. 36). Относительно классификации сказки делается замечание о том, что «не найден тот основной признак, который мог бы дать начало делению» (с. 103). Им могла бы быть внутренняя структура, или композиция, но «пока композиция сказки не изучена» (с. 104). Отмечается, что «мотив трудной задачи не совместим с мотивом змеборства», так что

¹ Впервые опубл.: Русский фольклор. Л., 1987. Т. 24: Этнографические истоки фольклорных явлений. С. 166–170.

сам собою возникает вопрос о причине (с. 195). Автор не берется объяснять калиновый мост в сюжете о змееборстве (с. 203), мотив трех купленных ночей в сказке о Финисте ясном соколе (с. 224) и т. п., предоставляя судить о них читателю и слушателю. Хотя кумуляция является главным признаком композиционной системы кумулятивных сказок, она тем не менее не лежит в одной плоскости, на одном историческом и поэтическом уровне со структурной схемой волшебной сказки. В этом ее необычность, малопонятная для нашего современного уровня знаний. «Кумуляция как явление свойственна не только кумулятивным сказкам. Она входит в состав других сказок, например, сказки о рыбаке и рыбке, где нарастающие желания старухи представляют собой чистую кумуляцию (тип 555)², или сказки о Несмеяне, где царевну смешат последовательно прилипающие друг к другу люди (тип 559)» (с. 297). Таким образом, кумуляция в фольклоре должна быть изучена как самостоятельное явление, что осветит новым светом и самое сказку (с. 298). Насколько интересно это явление по отношению к сказке, видно хотя бы из того частного факта, что сказка о рыбаке и рыбке, например, включает не только кумулятивную цепочку событий, но и является редкой среди волшебных сказок в силу необычного конца, не счастливого, но приводящего героев к полному крушению всех надежд и стремлений. На с. 313–314 высказываются соображения как против признания прямой связи анималистических сказок с тотемизмом, так и в пользу такой связи и зависимости. Подобная проблематичность, пронизывающая работу, будит мысль и воображение. Все, кому приходилось слышать В. Я. Проппа, легко узнают здесь характерную черту его преподавательской манеры: умение просто и неназойливо ввести в неосвоенную наукой область, захватить мысль увлекательностью самостоятельного поиска.

В примерах, приведенных выше, видна и другая существенная черта педагогической манеры автора. Это строго научный подход к материалу, недоверие ко всякого рода поверхностным суждениям, беглой оценке фольклорных явлений, без разносторонней и исчерпывающей на данный момент проработки их. Чем иным, как не строгим научным подходом, можно объяснить тот факт, что исследователь многократно подчеркивает слабую изученность сказочной поэтики, в частности, композиции, хотя его собственные работы в этой области являются классическими. Особенно нетерпим автор книги к красивой фразе, несущей в себе скудный, а иногда и явно превратный смысл. Вот одно из характерных замечаний: «В сказке, по Аникину, сознательно изображается действительность. “Через сказку перед нами раскрывается тысячелетняя самотканная история”. Однако достаточно взять любой учебник

² Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979.

истории, чтобы увидеть, что это не так» (с. 41). По поводу работы И. П. Сахарова он пишет: «Как мы уже знаем, собрание Сахарова состоит не из подлинных сказок, а из пересказов различных текстов XVIII века <...>. В предисловии к этому собранию Сахаров и высказывает свои взгляды, причем уловить их сущность очень трудно, так как они являются не столько трезвыми взглядами, сколько эмоциональными выкриками, сущность которых остается неясной и которые противоречат друг другу» (с. 94). Ценность подлинной науки как явления человеческой культуры и как ответственного рода деятельности, далеко не безразличной историческому процессу, — вот одно из основных доминирующих представлений, постоянно сопровождающих и изыскания самого автора, и обзор работ его предшественников и коллег. «Наука, — любил повторять В. Я. Пропп, — имеет дело исключительно с двумя вещами: с фактами и методом их осмысления». Понятна поэтому уверенность автора в неиссякаемости подлинно научной традиции, культуры вообще и, в частности, культуры самого исследовательского труда. «Исследовательская работа, — пишет он, — у нас сильно отстает от собирателей. Но не всегда так будет. Сказка во всем ее объеме не может быть изучена одним человеком. Для этого требуется работа хорошо подготовленных научных коллективов, для этого требуется длительный срок» (с. 88). Все вместе взятое — акцент на ответственности науки и не декларативно, а на деле применяемый принцип проблемного обучения — сообщают книге большую педагогическую ценность.

Другая педагогическая задача, решаемая в книге, состоит в обрисовке контуров современного научного метода изучения сказки и фольклора вообще. Эта задача решается не совсем обычным путем. Автор нигде не формулирует ее прямо, но, например, рассказывая историю изучения сказки, он показывает логику развития науки и результаты, которых достигла она в своем теперешнем состоянии. Выводы предшественников не отменяются, но критически осмысливаются в поисках объективно достоверных наблюдений, как бы незначительны они ни были. Выводы самого автора комментируются с точки зрения методов изучения, которые к ним привели. В результате через всю работу протягивается цепочка замечаний и наблюдений, относящихся в своей совокупности к характеристике современных методов исследования фольклора. Приведем лишь несколько примеров подобных замечаний: «Самый плохой, отрывочный, нескладный текст, даже если он содержит архаические прослойки, многое дает для изучения сказки в целом, сюжетов, мотивов, образов» (с. 86); «Что сумма частей не приводит к определению и пониманию органической целостности сказки, видно по работе И. Вольге “Название и признаки сказки”» (с. 100); «Описательное и историческое изучение не исключают друг друга, а взаимно обуславливают»

(с. 102); «Сказка в прошлом есть миф, и этот миф должен и может быть восстановлен путем сравнительного изучения» (с. 116) (это сказано по поводу взглядов Ф. И. Буслаева); «Социальные и материальные условия жизни народов, их традиционные мировоззрения — вот на чем основывается разнообразие сюжетов при общем их сходстве» (с. 138); «С нашей точки зрения, правильность выводов определяется не только полнотой материалов (к которой мы всегда будем стремиться), а прежде всего правильностью методов»; «Может оказаться, что архаические формы встречаются не наиболее часто, а наиболее редко и что они вытесняются более поздними формами» (с. 149); «Закономерность начинается там, где есть повторяемость» (с. 174); «Посюжетное изучение (волшебной сказки. — Ю. Ю.) возможно только на базе межсюжетного изучения» (с. 196); «Вопрос о стиле есть вопрос об отношении к действительности и к рассказываемому» (с. 200); «Художественность сказки не определяется логикой, скорее наоборот: строгая логика ее портит» (с. 203); «Первично — действие, сюжет; вторичны — (хотя все же далеко не случайны) действующие лица» (с. 300).

Даже по приведенным цитатам можно судить о простоте и ясности языка книги, которые представляют собой немаловажную заслугу автора-педагога. Этой простоте соответствует яркая и тщательно продуманная система иллюстраций. Изысканность иллюстративного материала, как нам представляется, связано с постоянной заботой автора выводить доказательства из наглядного, общеизвестного, даже банального факта через всю последовательность звеньев доказательства, совершаемого как бы на глазах читателя.

Убедительность доказательств в работе В. Я. Проппа делает особенно привлекательными характеристики различных научных школ сказковедения. Когда, например, метод изучения былин В. В. Стасовым определяется как дилетантский (с. 133), а об А. Н. Афанасьеве говорится, что он «стоит собственно не на исторической, а на психологической точке зрения» (с. 126), эти выводы основываются на фактах, достаточное количество которых приведено в книге, а не на эмоциях и вкусовых оценках. Если В. Я. Пропп говорит: «Гениальная простота мысли Веселовского состоит в том, что “форма” и “идея” (или “содержание”) им никогда не разъединяются и не противопоставляются. Наоборот, сама форма есть выражение идеи»³ (с. 98), — это не преувеличение.

³ Названная и другие идеи А. Н. Веселовского намного превзошли уровень, достигнутый отечественной и зарубежной фольклористикой его времени. В. Я. Пропп оказался блестящим продолжателем его идей. О нем как о ближайшем последователе А. Н. Веселовского говорит во вступительной статье к рецензируемой книге К. В. Чистов. Эта глубоко содержательная и яркая статья, на наш взгляд, представляет собой новый шаг вперед в оценке научного наследия В. Я. Проппа.

Несмотря на преимущественно педагогические установки, книга В. Я. Проппа имеет большой самостоятельный научный интерес. Прежде всего следует сказать о том, что в книге, посвященной русской сказке в целом, а не какому-то отдельному вопросу ее изучения, яснее, чем в других работах автора, обозначился своеобразный подход к исследованию. В. Я. Пропп четко разграничивает и никогда не смешивает важнейшие аспекты изучения сказки: поэтику, генезис и эволюцию, интерпретацию художественного содержания и ее социологию. Подобное разграничение необходимо не только фольклористике, но и литературоведению, для того чтобы анализ мог стать тем, чем он должен быть, — разделением и изучением путем такого разделения. Мы знаем на практике много примеров, когда изучение содержания подменяется исследованием генезиса, а на месте поэтики оказывается публицистика по поводу содержания. Наука страдает от такого смешения, метафорические подмены хороши в искусстве, но не в науке о нем. В музыкознании никому не пришло бы в голову гармонический анализ выдавать за исследование музыкального содержания как такового или, наоборот, говорить о содержании музыки, не имея представления о ее гармонии, в литературоведении и фольклористике подобное, к сожалению, возможно.

Сам В. Я. Пропп в сказковедении известен прежде всего своими трудами в области поэтики и генезиса волшебной сказки. Тем более интересно, хотя бы вскользь, указать на примеры его обращений к области интерпретации сказочного содержания и социологии сказки. В сюжете о Финисте ясном соколе, например, у автора вызывает интерес исходная ситуация: у старика три дочери, старшие — щеголихи, «а меньшая только о хозяйстве радела». «Эта деталь, — пишет исследователь, — интересна тем, что в дальнейшем младшая дочь получает дары без испытания. Она изначально совсем другая, чем ее сестры» (с. 220). На ее долгом и трудном пути к мужу она набредает на избушку. Здесь «старушка ее выспрашивает и без всякого испытания награждает» (с. 221). В связи с этим находится и ее особое, тайное знание, недоступное другим. «Откуда она знает о Финисте? Это вопрос общесказочной иррациональной поэтики» (с. 220). Интерпретация сюжета опирается на сказочную поэтику, генезис, социологию. Но сама к ним не сводится. Здесь возникают самостоятельные задачи, решение которых бывает не всегда просто. «Чем, например, объяснить, что герой ее (сказки. — Ю. Ю.), Финист, не только покидает ни в чем не повинную девушку, но еще и женится на другой...», — задает вопрос автор (с. 223). Между тем в сказке невиновность героини сомнительна. Беда случилась из-за ее неосторожности, она дала заметить свое счастье, не сдержала радости и накликала беду. Сходно повел себя и герой «Царевны-лягушки», сжегши лягушечью кожу. Героиня «Финиста» выдержала испытание горем, но не

выдержала испытание радостью. Она терпела насмешки старших сестер, не упрекала отца, когда он возвращался без заветного перышка, но, заполучив заветную коробочку, «меньшая дочь чуть не прыгнула от радости, взяла коробочку, стала ее целовать-миловать, крепко к сердцу прижимать»⁴.

Социология сказки, в свою очередь, опирается на исследование сюжета с других сторон. По поводу тотемических истоков сказки о Финисте В. Я. Пропп пишет: «Эти остатки тотемизма не могли бы сохраниться, если бы не соответствовали мировоззрению или мироощущению сказочника, согласно которому видимый нами будничным мир есть оболочка чего-то прекрасного, что хоть в сказке может себя обнаружить. Так, исторически и философски, может быть разрешена одна из загадок, задаваемых нам сказкой о Финисте ясном соколе» (с. 223). Вообще «философия ее (сказки. — Ю. Ю.) обычно вытекает из сюжета и характера действующих лиц, но никогда прямо не высказывается» (с. 227). «Сказка заключает в себе бессознательную жизненную философию народа» (с. 184). В ней все предусмотрено, но нет фатализма: герой испытывается и может не выдержать испытания (с. 184–185). «Его основное качество — бескорыстие» (с. 185), он обнаруживает способность сострадать (с. 187–188). Но эта философия не изначальна, она является в сказке исторически становящейся (с. 188).

Работа В. Я. Проппа подводит вплотную к новому пониманию бытовой сказки в отличие от сказки новеллистической. Правда, номинально эти виды не различаются, говорится о сказках новеллистических, реалистических или бытовых (с. 245). Но анализ в книге показывает их неоднородность. С одной стороны, выделяются анекдоты «в более широком смысле», это «особый вид сказок, обладающих специфической структурой», «область народного юмора» (с. 56). В этих сказках действительность выворачивается наизнанку, «преобладающее большинство сюжетов состоит в каком-нибудь одурачивании...» (с. 250); «...бытовая сказка появляется тогда, когда земледелие выходит из примитивной стадии, а родовой строй сменяется рабовладельческим государством» (с. 251). С другой стороны, есть переходный от волшебного к новеллистическому тип, это не юмористические сказки по существу (например, трудная задача в них и в волшебной сказке). Такие сказки можно назвать новеллистическими, как это и делает для многих сюжетов А. Аарне (с. 254 и далее). В этих замечательных наблюдениях содержится целая программа раздельного изучения двух сказочных видов. Научная осторожность не позволяет автору говорить об изученности композиции анималистической и бытовой (как мы бы назвали) сказок, но при этом делается инте-

⁴ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1957. Т. 2. № 234.

реснейшее наблюдение, что «обман, одурачивание составляет их главный сюжетный стержень» (с. 188).

Очень интересно сопоставление Змея в волшебной сказке и былине. Змей выступает как «хозяин водяной стихии» в представлениях раннеземледельческих народов. В обоих жанрах — это один фольклорный образ (с. 236–237). Здесь намечается путь изучения этого образа в былине и сказке из одного источника, чего, к сожалению, не было сделано в «Русском героическом эпосе». Подробнее на эту тему говорится во вступительной статье К. В. Чистова (с. 17–18). Перед нами вырисовывается путь изучения эпоса из глубин его этнографических мифологических истоков на стыке их с реальной историей.

Не все наблюдения и выводы В. Я. Проппа одинаково доказательны и убедительны. Некоторые из них представляют собою предварительные соображения, высказанные в ходе незавершенной работы. Так, например, едва ли можно сказать о кумулятивных сказках, что «весь интерес их — это интерес к слову как таковому» (с. 296). Дело в том, что детей в этих сказках привлекает не только искусная словесная вязь, но и обида медведя, который увидел, что ему не поместиться в тереме мухи, и разогнал обитателей терема; наказанное хвастовство Колобка и смешная победа мышки, которая справилась с неподатливой репкой, и т. д. Слишком категорично утверждение В. Я. Проппа, что в русских анималистических сказках животные не живут звериным государством (с. 309)⁵. Экспедиционная работа не подтверждает мысли о том, что быличка может быть названа вымирающим жанром (с. 48).

Книга, без всякого сомнения, потребует переиздания. Перед нами работа, богатое научное содержание которой не может быть полностью освоено в одном поколении учащихся, сказковедов и просто любителей сказки. Книге суждена долгая жизнь. К ней неоднократно станут обращаться в поисках ответов на вопросы, которые на современном уровне наших знаний мы не можем пока предвидеть.

⁵ Ср.: Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка (например, сюжетные типы 220, 220А, 221*, 221В*).